

КАК ПРИРОДА И КУЛЬТУРА
ФОРМИРУЮТ НАШИ ПОДХОДЫ
К ВОСПИТАНИЮ

Дети

Мередит Смолл

Мерedit СМолл

Дети

«СветЛо»

2001

Смолл М. Ф.

Дети / М. Ф. Смолл — «СветЛо», 2001

ISBN 978-5-905392-32-0

Книга, которую вы держите перед собой – не сборник советов родителям, не практическое руководство по воспитанию детей. Это взгляд на феномен детства глазами антрополога. Детство – этап жизненного цикла между младенчеством и подростковым возрастом, который есть только у людей. Так откуда же оно возникло? И зачем оно нужно с точки зрения эволюции – для роста, развития, обучения или для чего-то еще? Автор пытается ответить на эти вопросы, исследуя ту увлекательную границу, где биология сталкивается с культурой, где родителей и их детей подталкивает в одну сторону их природа, а в другую – культура. Автор выражает надежду, что, прочитав эту работу, родители и все, так или иначе причастные к воспитанию детей, задумаются о том, что они делают, почему они делают это так, а не иначе, и о том, что, возможно, есть и иные способы помочь нашим детям войти во взрослую жизнь, чем те, что приняты в нашей, западной, культуре.

ISBN 978-5-905392-32-0

© Смолл М. Ф., 2001

© СветЛо, 2001

Содержание

Введение	6
Глава первая	11
Дети в иных культурах	15
Как играют дети	17
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Мередит Смолл
Дети
***Как природа и культура формируют
наши подходы к воспитанию***

Meredith F. Small

Kids

How Biology and Culture Shape the Way We Raise Young Children

© ИП Лошкарева С. С. (Издательство «СветЛос»), 2015, перевод, оформление

© Мередит Франческа Смолл, 2001. Все права сохранены, включая права на полное или частичное воспроизведение в любой форме.

Все права защищены. Никакая часть этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в интернете и в любых информационных системах, для частного и публичного использования без письменного разрешения издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет за собой гражданскую, административную и уголовную ответственность.

* * *

Моей дочери Франческе

Введение

«Быть родителем – это главная профессия в жизни, – сказал мне однажды отец, – вот только никто ей не учит, – а потом посмотрел на меня, одного из четверых своих детей, и добавил с ухмылкой: – По большей части мы и понятия не имеем, что нужно делать».

В последние годы я часто думаю об этом, потому что изучаю, как воспитывали и воспитывают детей в разных культурах и на протяжении всей истории человечества, и пишу об этом книги, и потому что сама воспитываю дочку. В своих исследованиях я пыталась критически взглянуть на то, как мы заботимся о детях, и как так вышло, что мы делаем это именно такими способами. Я спрашивала себя: а существует ли «самый правильный» подход к воспитанию? Не может ли быть так, что носители иных культур знают о воспитании детей нечто ценное, что может быть полезно и нам самим? Не заложены ли ответы на некоторые вопросы в самой физиологии человека?

В западной культуре детство считается временем свободы, развлечений и учебы (фото Д. Хэтч)

Как антрополог по образованию, я всерьез стала критически анализировать, как я сама подхожу к воспитанию собственного ребенка и те методы, которые навязывает мне культура, в которой я живу. Не может же, в самом деле, быть так, что то, как относятся к детям на Западе, – это единственный или даже «лучший» подход! Почему я считаю, что моя дочка должна спать, не просыпаясь, всю ночь напролет? Почему считаю, что в таком-то и таком-то возрасте она должна быть такого-то роста и веса и знать столько-то слов? Почему я трачу все свое свободное время на то, чтобы возить ее по разным дошкольным клубам – лишь для того, чтобы одна просто контактировала с другими детьми? Что это за такой новомодный прием «тайм-аутов», и почему мы все время должны говорить ребенку, что он молодец? В глубине души я понимала, что все это – культурные конструкты, что-то, что мы с вами выдумали. Я хотела взглянуть на них со стороны – и проверить, верны ли они. В конце концов, я уже просто не могла принимать

на веру то, как должна, по мнению нашего педиатра, воспитывать ребенка мать, или слепо верить словам доктора Спока, или Пенелопы Лич, или доктора Сирса, каким должен быть «нормальный ребенок». Я должна была изучить контекст, в котором даются все эти советы, понять, к каким культурным источникам припадали их авторы, и узнать, почему же именно тот или иной совет или норма считается залогом «правильного» воспитания или развития.

В предыдущей своей книге «Мы и наши малыши» я описывала работу группы антропологов, исследователей в области детского развития и педиатров, изучавших, как разные культуры влияют на молодых родителей и детей первого года жизни. Я выяснила, что взрослые человеческие особи довольно неплохо приспособлены к тому, чтобы заботиться о младенцах. Детеныши нашего вида рождаются полностью зависимыми от взрослых. Когда наши предки начали передвигаться, стоя вертикально на двух конечностях, смена способа передвижения изменила и форму костей нашего таза. Поначалу это не вызывало проблем, так как древние люди по-прежнему рождались с маленькими головами. Еще 1 500 000 лет назад мозг наших предков по объему был не больше мозга шимпанзе и легко проходил через родовые пути. Но затем размеры его начали резко увеличиваться. Отношение размера мозга и головы младенца к размеру тела взрослого человека больше, чем у любого другого млекопитающего. Такая крупная голова уже не проходила между костями таза, приспособленными для прямохождения. Так что возник компромисс: человеческим детям пришлось рождаться на свет немного раньше, с недоразвитым мозгом и неспособными самим заботиться о себе. Но, с другой стороны, их родители получили способность чувствовать потребности ребенка и начали стремиться вступать с ним отношения, характеризующиеся особой взаимной физической и психологической близостью, — отношения, длящиеся многие годы и даже всю жизнь.

Я также открыла для себя, что отношения эти могут разворачиваться миллионом различных способов. Хотя человеческая природа и призывает нас поддерживать с младенцами особо близкие отношения, но люди обладают очень высокой приспособляемостью, и поэтому к требованиям природы начинают примешиваться культурные нормы. В способах заботы о детях, равно как и во всех других видах поведения, люди из всевозможных общественных или культурных соображений часто игнорируют, подавляют или пересиливают требования своей природы. Я бы даже сказала, что то, как люди воспитывают своих детей, часто в большей степени отражает историю их общества, их нравы и традиции, чем реальные потребности и ожидания младенцев и маленьких детей. Так что я стала пристально изучать ту увлекательную границу, где биология сталкивается с культурой, где родителей и их детей их природа подталкивает в одну сторону, а их культура тянет в другую.

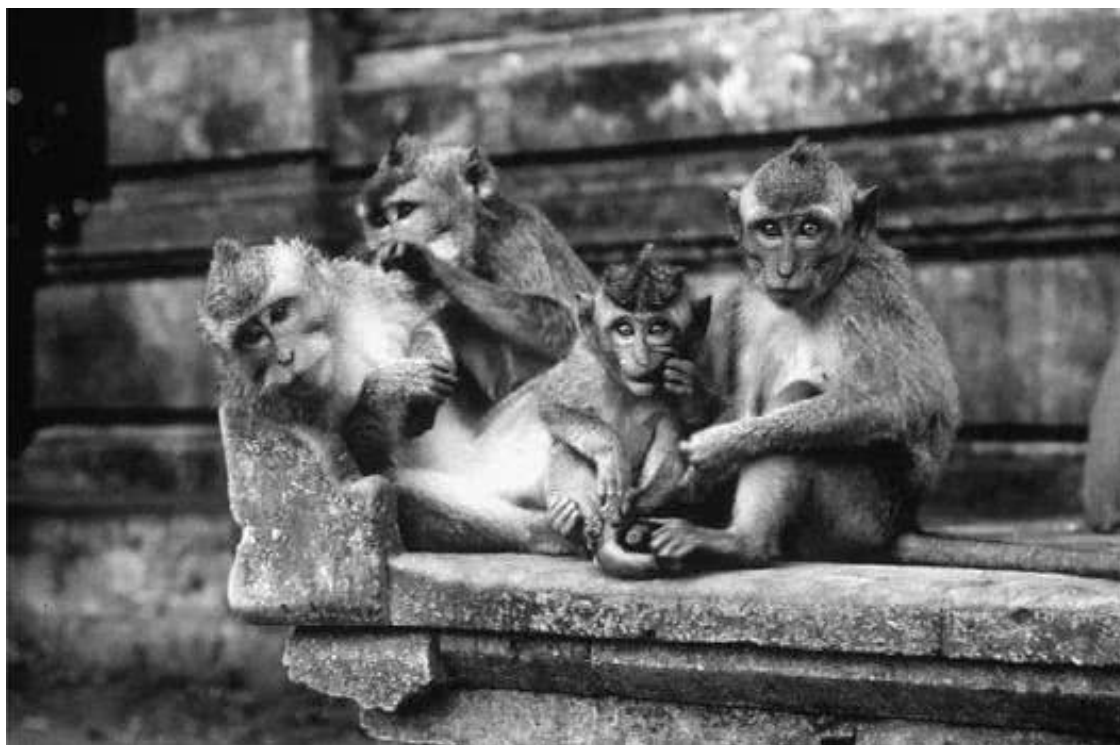
Эту книгу я начинаю с того, на чем закончила предыдущую: когда ребенок начинает ходить и говорить, перед ним открывается целый новый мир — и перед нами, его родителями, тоже. Для меня как ученого, писателя, матери логично было проследовать за ребенком в этот новый этап. Итак, «Дети» — это книга о том, как биология и культура влияют на то, как развиваются наши дети, как мы их воспитываем и чего ожидаем от них на этом этапе их жизненного цикла.

Но к чему все это? Ведь и без того есть тысячи книг для родителей; полки в книжных магазинах и библиотеках ломятся от научных трудов по развитию детей. Логично было бы предположить, что о секретах детского поведения уже давным-давно все написано! Однако, исследовав этот вопрос, я вынуждена возразить: похоже, что не всё. Большинство этих книг описывают крайне узкую социальную группу — речь в них в основном идет о детях из семей европейцев и американцев среднего класса — и не дают практически никакого контекста за пределами этого весьма ограниченного пласта современного общества. Взгляните на всю эту литературу с советами для родителей и задайте себе простой вопрос: а откуда эти советы взялись? Источник их в большинстве случаев — это бытующие в нашей культуре поверья, традиции, «народная мудрость», а не научное знание. К примеру, советы о том, где и сколько должны

спать дети, как и что они должны есть или как их следует наказывать, – это просто набор принятых в нашей культуре факультативных норм. Родителям, читающим такие советы в книге или слышащим их от педиатра, кажется, что это мнение авторитетных специалистов, но на самом-то деле любой немедицинский по своей сути совет – это просто представления данного конкретного специалиста, навязанные ему культурой. И в этом «специалист» ничем не отличается от любого другого человека. Не все дети с одинаковой скоростью растут, осваивают речь, одинаково себя ведут или думают. Читая о том, как растут дети в других культурах, мы узнаём, насколько разнится понятие детства в зависимости от страны проживания. Логично было бы предположить и что изучение того, как развивался человеческий вид на протяжении миллионов лет, также могло бы помочь нам лучше понять феномен детства. Итак, в своей новой книге я попыталась выйти за пределы узких рамок той отдельно взятой культуры, социально-экономического класса и биологического вида, к которому каждый из нас принадлежит.

Лучше всего суть моей книги можно было бы описать как антропологическое исследование раннего детства. Что именно я под этим имею в виду? Антропологи изучают людей: их современную биологию, их доисторическое прошлое, их культуру. Антрополог смотрит одновременно вглубь веков – на то, как эволюционировал человеческий вид, и вширь – на многообразие человеческих культур. Чтобы понять человека требуется изучать оба аспекта; нужно знать и откуда произошел наш вид, и по каким законам культуры он живет.

Первый аспект – доисторическое прошлое, историю эволюции человека – можно изучать по фрагментам ископаемых и через наблюдение за другими животными, в особенности за нашими близкими родственниками приматами. Поведение приматов подсказывает, как могла протекать эволюция человека. К примеру, у всех остальных млекопитающих по сути не бывает периода детства. Так почему же в жизненном цикле человека такой этап есть? И когда конкретно в истории нашего вида он появился? Ответить на оба этих вопроса можно, изучив фрагменты костей, оставшихся от наших предков, и сравнив поведение людей и наших ближайших родственников – обезьян.

Детство – этап жизненного цикла, который есть только у людей. Прочие приматы, как и эти макаки, быстро переходят от детства к «подростковому периоду», а затем к взрослой жизни (фото М. Смолл)

Еще глубже понять феномен детства можно, сравнив формы, которые оно принимает в других уголках земного шара, в иных культурах. Как просто замкнуться в собственной культуре или даже субкультуре, делать, как все, и думать, как все! Но каким откровением бывает выглянуть за пределы нашего ближайшего окружения и обнаружить, что другие люди думают и ведут себя совершенно иначе! Внезапно почти всё, что мы привыкли считать нормой, перестает казаться таковой. Оказывается, вовсе не во всех странах дети ходят в садики!

Во многих культурах детство – это время не игр, а труда; дети постарше почти целиком берут на себя заботу о младших и работу по дому. Они носят на себе младенцев, ходят за водой, пасут овец, собирают хворост. И учатся на опыте, а не сидя в классе или читая книги.

Сравнительно-культурологический подход показывает, что в том, как наши дети проводят раннее детство, жители западных стран довольно далеки от большинства жителей Земли. Наши представления о детстве кардинально искажены весьма недавно постигшим нас материальным благополучием, благодаря которому большинство родителей могут позволить своим детям роскошь проводить время в играх и за партой и почти не обременяют их обязанностями. Но взглянув на другие культуры, мы видим, что и социализироваться, и играть, и становиться сознательными гражданами дети могут и иными способами.

Моя книга начинается в типичном американском детском саду – и в самом деле, какое другое место лучше обрисует вам, как представляют себе нормальное детство жители западных стран? Далее я перехожу к описанию культур охотников-собирателей, а завершаю первую главу обсуждением вопроса детского труда. Такой размах задает тон всей книге и иллюстрирует мой подход: мы с вами будем рассматривать многие страны и многие вопросы. Глава вторая – о биологическом аспекте детства: зачем людям этот дополнительный этап в жизни? Я объясню, что нельзя считать детство чем-то самым собой разумеющимся, потому что у наших далеких предков оно появилось не сразу. Как и все млекопитающие, из младенчества они сразу переходили во взрослую жизнь; но нашему виду, *Homo sapiens*, этого, видимо, было недостаточно. И вот жизнь человека стала включать в себя такой период; а как следствие, задача родителей сделалась намного продолжительнее и сложнее. В главе третьей говорится об основополагающей задаче детства – о том, как вырастить. Разве не чудо то, что за примерно восемнадцать лет все мы из крошечных беспомощных младенцев превращаемся в самостоятельных взрослых людей! И быстрее всего эти запрограммированные изменения в наших телах и умах происходят в детстве. Главу четвертую я посвятила еще одному важному шагу в жизни детей – овладению языком. Глубоко заложенная в нашем мозгу природная способность говорить и понимать речь отличает нас от всех других живых существ. Но что еще удивительнее, овладение языком – очень сложная деятельность, требующая крайне развитого интеллекта, – легче всего дается в раннем детстве. В главе пятой я углубляюсь в еще менее изведанные области – в то, как вообще обучаются дети и что нам известно о познавательных способностях маленьких детей. В шестой главе я перехожу с обсуждения индивидуума к рассмотрению общества – пишу о том, как дети начинают социализироваться и узнавать, что значит быть членом общества, в котором они существуют. Унаследованные от предков-приматов инстинкты подталкивают детей к общению с себе подобными, но им также предстоит усвоить правила социума, подсказывающие, как «вести себя правильно». В седьмой главе я рассматриваю вопросы пола – то, как мальчики и девочки начинают примерять на себя гендерные роли. Невозможно было бы написать книгу о детях, не затронув хотя бы в какой-то мере темные стороны детства – стресс и насилие по отношению к детям. Об этом – восьмая глава. Но освещаю эту тему я исключительно как антрополог: в этой главе я пишу о том, как антропология и изучение эво-

люции человека могли бы помочь распознавать детей, подвергающихся опасности, и ограждать их от нее. В девятой главе я рассуждаю о том, на какие уступки всем нам приходится идти в процессе воспитания детей.

Книга, которую вы держите перед собой, – не сборник советов родителям. Это ни в коем смысле не практическое руководство по воспитанию детей. Наоборот – это взгляд на сам феномен детства глазами антрополога, рассматривающего данный вопрос намного шире, чем большинство авторов книг для родителей. Я не собираюсь учить кого-либо, как им воспитывать своих детей. Я лишь надеюсь, что, прочитав мою книгу, родители и все, так или иначе причастные к воспитанию детей, задумаются о том, что они делают, почему они делают это так, а не иначе, и о том, что, возможно, есть и иные способы помочь нашим детям войти во взрослую жизнь.

Раскрыв наши умы и сердца, чтобы глубже и шире охватить всю полноту картины, частью которой являемся мы и наши дети, мы с неизбежностью сделаемся лучше – как родители, как педагоги, как граждане и как люди.

Глава первая

Мир детства

Я сижу на синем пластмассовом стульчике, втиснув коленки под низенький столик. Мои руки прилежно сложены одна на одной, чтобы я не крутилась по сторонам, потому что скоро нам принесут завтрак: крекеры, сок и йогурт. В комнате полно детей; пахнет мелками и клеем ПВА.

Раз уж книга моя целиком посвящена детям, я решила, что для начала мне нужно самой побыть ребенком – хотя бы пару часов. Я надеялась, что смогу вспомнить, как это было – когда мне еще не нужно было зарабатывать себе на жизнь. Я хотела найти точку отсчета, с которой можно начать рассматривать жизнь детей в нашем обществе – не с точки зрения родителей, но с точки зрения самих малышей: каково это – быть ребенком в Америке или в Западной Европе? Как проходит твой день? Как ты видишь мир? Что изменилось с тех пор, как я сама была маленькой? И поэтому я пришла в детский сад в городке Саммит, штат Нью-Джерси, чтобы вновь почувствовать, что значит быть ребенком.

Этот частный детский сад развивающего типа ориентирован на детей трех и четырех лет из семей со средним достатком. Его директор Сьюзен Меррик объясняет, чем их детский сад отличается от обычного садика: «У нас есть учебный план, есть программа, дети не просто целыми днями играют, как им вздумается». Программа этого садика, как написано в их брошюре, задумана как развивающее пространство, в котором дети могут выражать свои творческие способности и учиться быть «уверенными в себе, самостоятельными учениками». Детей в нем с раннего возраста приучают к формату школьных занятий, к отношениям между учениками и учителями, к тому, как уживаться в группе и как делиться с другими детьми. У многих из них в семьях говорят на испанском, так что программа садика призвана помочь им как следует освоить английский, прежде чем они пойдут в нулевой класс школы. Ну и главное – это то, что в садике детям просто весело.

На стенах в коридоре на высоте метра от земли сделаны крючочки для одежды и над каждым на разноцветной нитке повешена фотография ребенка – чтобы каждый малыш мог с легкостью найти, где ему вешать свою курточку. В здании две классные комнаты: одна для детей трех лет, другая – для четырех. Какая из них где, можно сразу понять по поделкам, украшающим стены: у трехлеток висят листы бумаги с разноцветными отпечатками ладошек, а вот у детей постарше – более трудоемкая аппликация из цветной бумаги. В обеих комнатах есть множество материалов для творчества: пластилин и мелки, краски и бумага, кубики всех цветов и размеров. Все аккуратно расставлено по местам и подписано рукой учительницы: наглядный пример детям, что такое порядок и чем классная комната отличается от игровой.

Первый свой урок я сижу вместе с четырехлетками. Я вижу: им кажется довольно странным, что в классе сидит еще какой-то взрослый кроме учительницы. Поначалу, входя в класс, они украдкой поглядывают на меня, но потом быстро переключаются на воспитательницу. Воспитательница здесь – не просто один из старших, дети явно воспринимают ее как близкого друга. Кое-кто из детей держится от меня в стороне, другие подходят и интересуются, как меня зовут, а некоторые шепотом спрашивают у воспитательницы, кто я такая. Но их воспитательница, Молли Литл, говорит детям, что все в порядке, и они успокаиваются.

Час спустя обо мне уже и думать забыли – дети заняты делом, ужасно заняты, как умеют быть заняты одни только дети. День начинается с часа свободной игры. Если б спросили меня, я бы пошла к столу, уложенному шишками и листьями, взяла бы гигантскую лупу и принялась бы в нее все рассматривать. Но эти дети лучше меня знают, что еще тут есть интересного. В дальнем конце класса три девочки надевают фартучки и накрывают стол с тарелками, при-

борами и игрушечной едой. Несколько мальчиков и девочек играют с деревянной железной дорогой, не забывая вовремя озвучивать происходящее: «Чух-чух-чух!»

Скоро миссис Литл собирает детей и предлагает им на выбор один из пунктов учебной программы: сделать нарядную оберточную бумагу для упаковки подарков или послушать книжку. Потом по плану перекус и небольшой отдых. Ближе к полудню они идут на игровую площадку, где будут носиться, пока за ними не придут и не заберут на обед родители.

В другом классе трехлетние малыши сидят за столиками с головоломками и кубиками или, натянув специальные пластиковые переднички с рукавами, рисуют кисточками и красками на мольбертах. Их учительница Алексис Стаатс обсуждает с ними то, что они делают, задает вопросы, отвечает, помогает. Как и ее ассистент Дина, она болтает с детишками об их произведениях или о готовящемся празднике. Она пытается заинтересовать игрой мальчика, который бегаёт по комнате. Кажется, что миссис Стаатс обладает неисчерпаемым терпением, а заодно и талантом целиком уделять свое внимание сначала одному ребенку, потом другому, и так далее – словно мама с целым выводком детей, которые у нее все почему-то одного возраста. Я и здесь не отказываюсь перекусить вместе с детьми, и они не мешкают заметить, что это нечестно, потому что я уже позавтракала со старшими.

Спустя какое-то время я оставляю другие занятия и начинаю осматриваться внимательно, стараясь понять и почувствовать атмосферу в этом заведении. Поразительно, но все это мне кажется до странного привычным, словно я сама еще буквально пару недель назад точно так же вырезала ножницами со скругленными концами фигурки из цветной бумаги или укладывалась на полу с одеялом отдохнуть. Мне кажется естественным следовать учебному плану, я соглашаюсь, что тогда-то и тогда-то должна делать то-то и то-то, что кто-то должен мною руководить, а я – слушаться. Что еще любопытнее, происходящее между детьми мне тоже кажется знакомым. Приходится признать, что подноготная процесса социализации четырехлеток немногим отличается от того же у сорокалетних. Вон те три девочки, рисующие за одним столом и сплетничающие о ком-то еще, вполне могли бы быть моими подружками и мной, сидящими в баре и болтающими по сути о том же самом. А эти двое мальчиков помладше, пытающиеся вдвоем играть одним набором кубиков, напоминают мне взрослых коллег, делящих рабочий кабинет или вместе составляющих служебную записку. Пусть мне малы эти стульчики и столики, но я чувствую себя как дома.

Но при этом я пытаюсь посмотреть на все это взглядом антрополога, и для этого мне приходится заглянуть глубже, чем просто получить впечатление о том, что класс в садике – это комната, где дети весело проводят время, и взглянуть на него как на фрагмент культурного поля. Не важно, как живут эти дети у себя дома – у всех у них разные расы, национальности и вероисповедание, – здесь их однозначно учат смотреть на всё через призму западной культуры, культуры индустриализованной и экономически обеспеченной страны, культуры с конкретными ритуалами, имеющими конкретное историческое значение. К примеру, праздник, к которому они все готовятся, – это Рождество, и поэтому они занимаются украшением елки, готовят подарки и делают своим родителям приглашения на праздничный утренник. Украшения и сам утренник лишены конфессиональных признаков, но все равно для нас на Западе Рождество – праздник и так или иначе поучаствовать в его праздновании предлагается всем детям. Игрушки их – это, естественно, те игрушки, с которыми привыкли играть дети в западных странах: машинки, поезда и всевозможные игрушечные товары народного потребления, о полноразмерных оригиналах которых они, когда вырастут, будут мечтать или которые будут приобретать. И изъясняются они, конечно же, на американском английском, со всеми его идиомами, диалектами и правилами обращения к учителям и к друзьям.

На более глубоком уровне здесь также можно видеть те ценности, которые в почете в западной культуре, то, как у нас принято поступать и что считается правильным. К примеру, самой идеи школы, где главный – учитель, а дети сидят за партами, во многих странах третьего

мира вы попросту не найдете. Идея, чтобы совершенно чужие им по рождению взрослые указывали детям, что тем делать в течение дня, во многих культурах была бы совершенно неприемлемой. Да и сама идея класса как социальной среды отчетливо западная: идея о том, что нужно общаться с людьми, не являющимися твоими родичами, что нужно учиться все делать вместе, осваивать новые умения и, самое главное, учиться быть независимыми и самодостаточными индивидами.

В этом смысле детский сад – миниатюрная версия того посыла, который западная цивилизация внушает всем нам как гарантию успешной жизни общества: нужно быть независимым, самодостаточным и при этом уметь работать совместно с другими, делиться, слушаться и подчиняться властям. И все эти цели имеют свое историческое и экономическое обоснование – люди в Америке и Западной Европе верят, что успеха в жизни достигают индивидуумы.

Акцент на детстве как особой поре с особыми игрушками, одеждой, мебелью и развлечениями появился лишь недавно (фото К. Лоффлера)

Конечно, подобной культурной формации в той или иной форме подвергаются все дети во всех странах мира. Это может происходить в их собственных домах, в дошкольных клубах или на общинных встречах, но у всех детей во все времена всегда была некая площадка, в рамках которой им транслировались ценности, традиции и нормы их культуры. Нас интересует содержимое конкретных уроков, те различные цели культур и различные методики, которыми учителя и родители прививают детям представления о «нормальном» поведении. На Западе одна из главных ролей в обучении детей тому, что значит быть хорошими гражданами, закреплена за школой и всем, что за ней стоит. Таков диктат нашей культуры.

Но то, что я видела за время своего пребывания в детском саду, можно анализировать не только на уровне культурных традиций. Как антрополог и биолог, интересующийся природой человека, я также подметила, что все эти дети находятся на определенной стадии развития. К примеру, несомненно, все они – мыслящие существа, умеющие хорошо выражать свои мысли и эмоции, но им с очевидностью недостает глубины понимания взрослого человека, да от них

этого никто и не ждет. Их тела также подвержены физическим ограничениям, и не только в плане роста. Эти дети полны энергии, они радостно носятся и прыгают, но часто оступаются и падают. Их руки могут удержать большой фломастер, но они точно не владеют мелкой моторикой, необходимой для вышивки иглой. Я смотрела на этих детей, и мне постоянно бросалась в глаза не только культурная схема, в которую они встраиваются, но и фаза биологического развития, в которой они находятся.

Под конец пребывания в детском саду я поняла, что больше всего меня поразило именно то, что в детях по сути сталкиваются природа и культура; детство представилось мне накатанной тысячелетиями эволюции биологической колеи, по которой дети движутся к физическому и умственному взрослению и которую регулярно пересекают дороги культуры.

Именно эти встающие на пути ребенка перекрестки природы и культуры и составили схему, по которой строится моя книга. И я начинаю заполнять ее со сравнительно-культурологического вопроса: а как выглядит детство за пределами знакомой нам культуры?

Дети в иных культурах

Если я хочу представить, как живут дети в других странах, я вспоминаю сувениры, которые привезла из своих путешествий. В комнате моей дочери есть полка с куклами: куклы из Африки, из Азии, из Южной Америки. На каждой какой-нибудь традиционный наряд – яркая юбка, необычная шляпа; все говорит о том, что живут они не так, как мы. Моя любимая кукла – из Заира: сплетенная из соломы фигура идущей женщины. В руках у нее зонтик, которым она закрывает от солнца себя и крошечного младенца, примотанного к ее спине. А еще у нас есть целая груда разных детских шляпок с Мадагаскара, потому что всем малагасийским детям начиная с самого рождения надевают маленькие соломенные шляпы. Есть и игрушки, например «курочка клюет зерно» из Африки, сделанная из деревянного весла с грузиком из скатанной в шарик алюминиевой фольги. А еще фотографии того, что я не могла привезти домой: деревянного велосипеда, который я видела на проселочной дороге в Танзании, костюма танцовщицы с Бали – чудесных вещей, сделанных детьми или для детей. Любой из этих рукотворных предметов мог бы порадовать ребенка вне зависимости от того, к какой культуре он принадлежит, – детей всех стран объединяет тот факт, что всем им нравится играть с чем-нибудь новеньким, чем-нибудь необычным. Но эти предметы говорят и о чем-то еще: о том, что каждое общество или культура старается сформировать детей определенным образом – и это часто отражается в предметах этой культуры. Эти сувениры приглянулись мне не потому, что они похожи на что-то, что есть у нас дома, но потому, что они особенные и я хотела, чтобы моя дочь могла почувствовать, на что похоже детство в других странах.

Страны эти настолько отличаются от нашей, что это словно бы другой мир – другой, потому что люди там живут (в смысле выживают, добывают себе пропитание, строят крышу себе над головой и занимают свое свободное время) совсем не так, как мы. И в результате мир ребенка и мир детства в разных уголках Земли разных.

Антропологи знали об этом уже давно. Первым ученым, исследовавшим жизнь детей в других культурах, была Маргарет Мид. В 1925 году она отправилась на корабле на остров Самоа с целью изучить, как взаимодействуют с окружающим миром дети в племенах южнотихоокеанских туземцев. Доктор Мид ехала туда, чтобы найти подтверждение своим теориям. Они с ее коллегой Рут Бенедикт были основателями нового направления в антропологии, названного «культура и личность», и стремились оспорить устоявшиеся научные взгляды. Ученые в то время считали, что жители Земли не отличаются друг от друга и что культура или окружающий их мир почти не влияют на их сознание. Мид и Бенедикт считали иначе. Они знали, что культура начинает влиять на человека еще в детстве и что сообщества во всех странах используют этот период, чтобы сформировать из ребенка то, каким должен быть взрослый по представлениям данного конкретного общества. Так что доктор Мид пыталась проследить за тем, как культура формирует личность взрослого. Сейчас это кажется вполне логичным, но в те времена идея казалась революционной.

Благодаря труду Маргарет Мид и бесчисленному числу антропологов после нее у нас теперь есть подробные описания жизни детей начиная с самого рождения во многих культурах мира. Многие из этих этнографических исследований были сделаны еще до того, как изучаемые в них племена успели вплотную познакомиться с западной культурой. Поэтому теперь они служат нам свидетельствами ушедшей эпохи, реликтами мира до глобализации. Сейчас многие из антропологов, начавшие изучать эти племена, когда те еще не испытали значительного влияния западной цивилизации, продолжают ездить в далекие страны и документировать, как некогда изолированные от цивилизации сообщества меняются под влиянием западной культуры и современной жизни. Их этнографические заметки – это постоянно дополняемая, живая картина, рельефно демонстрирующая, насколько быстро люди приспосабливаются к новому.

А еще по ним видно, как отражается этот процесс на детях и как общество конструирует период детства. Я не утверждаю, что собрала в своей работе объективные свидетельства о том, как живут люди во всем мире, – как исследователь я по определению ограничена теми данными, что смогли собрать этнографы. А они в своих наблюдениях могли и не обратить внимания на аспекты раннего детства, которые были бы наиболее полезны для моего исследования. Но взятые все вместе описания того, как живут дети в других странах, с другими культурами, другими способами добывать себе пропитание, другими национальностями, верованиями и системами взглядов, лишь демонстрируют, что существуют варианты детства кроме того, к которому привыкли мы с вами.

Как играют дети

Антропологов всегда интересовали племена, живущие охотой и собирательством. Большую часть истории человечества (то есть до того, как десять тысяч лет назад люди начали заниматься сельским хозяйством, одомашнивать животных и перешли к оседлому образу жизни) все наши предки жили охотой и собирательством. Жили ли они в лесу, собирали ягоды и охотились на оленей или кочевали по жарким равнинам, собирали корни и охотились на антилоп – принцип был по сути один и тот же: они старались наиболее эффективно перемещаться по местности, по пути находя себе пищу. А еще они жили тесными группами, объединенными родственными связями, месяцы напролет общались только с членами своей группы и, может быть, иногда встречались с людьми из других, хорошо знакомых им групп. Их опыт общения очень отличался от нашего, от того, как мы живем сейчас в деревнях и городах, и в наше время немногие в своей жизни испытывали подобное. А ведь именно так люди и жили 99 % всей истории человечества. Так что если мы хотим узнать, откуда произошли и, может статься, почему мы ведем себя так, а не иначе, жизнь современных охотников и собирателей может кое-что подсказать нам о заложенных в природе нашего вида социальных отношениях. И вот антропологи принялись наблюдать за оставшимися на Земле племенами охотников и собирателей, чтобы изучить их образ жизни. А попутно мы можем кое-что узнать у них и о мире детства, о том, как возник этот этап жизненного цикла, и о том, как вели себя дети до совсем недавнего времени. Иными словами, наблюдение за детьми в племенах охотников и собирателей может подсказать нам, как «должно» выглядеть детство на самом деле.

Но – что довольно любопытно – все не настолько просто, как можно было бы предположить, потому что даже среди охотников и собирателей дети в разных племенах живут по-разному.

Хрестоматийный пример описания жизни охотников и собирателей – исследование племен африканских бушменов кунг в Ботсване и Намибии. До недавнего времени, пока бушмены не стали жить оседло, они жили в засушливой саванне, собирали то, что там растет, и охотились на диких животных. Начиная с середины XX века ученые старались наблюдать и описывать жизнь бушменов, чтобы понять, каково это – жить охотой и собирательством, по крайней мере в контексте экосистемы африканской саванны. В 1963 году группа ученых из Гарвардского университета решила сосредоточиться на изучении одного племени кунг, живущего в области Добе, чтобы понять, как экология (то есть землепользование и охота) влияет на структуру группы¹.

В книге «Мы и наши малыши» я вкратце описала, как живут младенцы бушменов: их постоянно держат на руках, кормят в среднем раз в тринадцать минут, укладывают спать рядом с матерью. Родители сразу реагируют на плач младенца. Иными словами, младенец в племени кунг входит в очень тесно взаимосвязанную социальную среду и неразрывно связан со своими родителями, семьей и социальными группами. Такой подход к заботе о младенцах приводит к тому, что малыш в племени бушменов в день плачет суммарно меньше, чем типичный ребенок в Америке или Западной Европе². Но еще важнее, что такой подход приводит к тому, что ребенок вырастает во взрослого, который будет исповедовать ценности племени – социальную интеграцию, мобильность и умение делиться. Но что же происходит с этим младенцем, когда из грудничка он превратится в ходунка? И что происходит, когда он достигает раннего детского возраста?

¹ Lee 1976.

² Barr 1995.

Патрисия Дрейпер, одна из той группы гарвардских ученых, решила изучать не только первый год жизни и сосредоточилась на детях этого племени вообще³. Она жила в одном из племен и записывала, что делали дети в течение дня и с кем общались. Она обнаружила, что образ жизни бушменов в самом практическом смысле тесно связан с жизненным циклом человека. Для бушменов попросту невозможно отгородить жизненный цикл от образа жизни. Дети в племени растут в окружении очень небольшого числа людей. В 1969 году, когда среди них жила доктор Дрейпер, это племя жило двумя поселениями по 60-80 человек, хотя к ним периодически заходили и другие. Она писала о том, как «близко и изолированно» живут обитатели двух этих поселений, общающиеся только друг с другом и редко видящие незнакомых людей. В результате дети кунг знают все о каждом из своих единоплеменников и живут на виду у всех обитателей лагеря.

Дети всегда придумают, с чем играть и как развлекаться. Эти танзанийские дети сделали себе деревянный велосипед (фото М. Смолл)

Планировка поселения отражает эту социальную близость. Хотя у каждой из семей есть своя хижина, все они выстроены по кругу, так что входы смотрят в центр. Постройки эти на самом деле задуманы не для того, чтобы в них жить, а чтобы хранить там вещи и отдыхать во время жары. Члены племени проводят время друг с другом, а не каждый в своей хижине. Сам лагерь устроен прямо посреди пустынной местности; выйти за пределы круга для детей означает попасть прямо в дикую природу, так что они редко выходят за границы поселения. По словам Дрейпер, пока детям не исполнится десять, они постоянно держатся рядом с домом и рядом со взрослыми. С другой стороны, в пределах поселения они вольны гулять везде, где им захочется; никаких запретных зон или закрытых для них мест не существует. Дети кунг попросту являются частью общины, общины из людей всех возрастов. Как следствие, отмечает исследователь, дети в этом племени успевают пообщаться со множеством самых разных взрослых.

³ Draper 1976; Draper and Cashdan 1988.

Еще одно разительное отличие от западных норм – дети бушменов живут и играют в смешанных по возрасту группах, а не только со сверстниками. К примеру, типичная компания может состоять из дюжины детей – скажем, пяти девочек и семи мальчиков, от грудничкового возраста до четырнадцати лет⁴. Это и есть их ясли, садик и детский клуб. Командных игр у детей бушменов почти нет – довольно трудно было бы составить команду из детей с настолько по-разному еще развитой моторикой. Что любопытно, у них совсем нет духа соперничества – каждый понимает, что в любом соревновании старшие победят младших и никакой игры не получится, так что действуют все заодно. И с тем, чтобы делиться, у них тоже особых проблем нет – просто у них не так уж и много материальных ценностей, чтобы из-за них ссориться.

Доктор Дрейпер обнаружила, что самые маленькие дети в племени, как кажется, всегда находятся в группе, где есть хотя бы один взрослый. Более того, в 173 проведенных ею контрольных наблюдениях она не обнаружила ни одного случая, когда кто-либо из детей оказывался бы вне пределов видимости или слышимости взрослого. В 70 % случаев дети вообще находились прямо рядом со взрослыми. Но эти присматривавшие за ними взрослые не были специально назначенными няньками. Это просто были взрослые, освободившиеся от своих занятий. И у мужчин, и у женщин в племени кунг много свободного времени – охота и собирательство занимают всего несколько часов в неделю, и в разные дни заниматься этим уходят разные члены племени, так что в поселении всегда есть кто-то, кто присматривал бы за детьми. Да и присматривать-то за ними особо не требуется – им неоткуда упасть с лестницы, негде получить по лбу дверью, негде попасть под машину, и оружие для охоты хранится там, где детям его не достать. По словам доктора Дрейпер, в поселении всегда царит атмосфера мира. Взрослые в общении с детьми всегда добродушны. Они попросту принимают тот факт, что дети будут путаться под ногами, и потому никогда не сердятся.

От детей кунг не требуется трудиться на благо племени. Они не участвуют в поисках пищи и не помогают с домашним хозяйством. Они разве что приносят что-нибудь, если взрослый попросил. Вообще говоря, такое отношение к детям нетипично для других племен охотников и собирателей: у кунг девочки начинают помогать собирать пищу, только когда им исполняется 14, а мальчики начинают охотиться только в 16 лет. В других культурах дети начинают исполнять эти роли гораздо раньше. Еще более удивительно, что старшие дети не обязаны заботиться о младших, что является нормой в других уголках мира. Но у кунг гораздо меньше потребность в заботе о детях: поскольку женщины племени рожают примерно раз в четыре года, каждая мать обычно сама может позаботиться о своем младенце. До двух или трех лет она берет его с собой, когда отправляется собирать пищу, а если решает оставить в лагере, там всегда есть взрослые, которые могли бы за ним присмотреть.

Так что получается, что детство в племени кунг похоже на идиллическую картину детства у нас на Западе: никаких обязанностей, никакой работы по дому, одни игры на свежем воздухе. Не это ли – то, как выглядело детство у наших предков? Не этому ли стоит подражать?

Возможно. Но в другом регионе Африки живет еще одно племя охотников и собирателей, и пристально наблюдавшие за ними ученые обнаружили у них совсем иное представление о раннем детстве.

На севере Танзании живут члены народности хадза. Они охотятся и находят себе пищу среди каменистых равнин, а еще они традиционно собирают дикий мед и обменивают его у своих более оседлых соседей на товары вроде тканей и инструментов. И хотя некоторые племена хадза занялись земледелием и правительство Танзании предпринимало попытки переселить всех хадза в сельскохозяйственно пригодные места, большинство недавних исследований показывают, что хадза по-прежнему предпочитают жить, охотясь на диких животных и соби-

⁴ Draper 1976.

рая съедобные растения⁵. Их рацион не сильно отличается от того, чем питаются бушмены кунг, но живут они в менее засушливом регионе, так что животных и растений там больше⁶. К примеру, мужчины племени хадза могут охотиться на крупного зверя вроде зебр и диких буйволов, тогда как кунг больше зависят от мелкой дичи вроде грызунов-долгоногов или диких диков, миниатюрных антилоп размером с собачку. Исследователи подсчитали, что в ареале проживания хадза примерно в десять раз больше деревьев, чем там, где живут бушмены, и на многих из них произрастают съедобные плоды. Как следствие, женщинам этого племени в поисках пищи не приходится уходить так далеко, как это делают женщины кунг⁷. В целом, по сравнению с бушменами, хадза живут в более богатой пищей среде – что немаловажно для сравнения того, как проходит детство в этих племенах.

Антропологу Николасу Блертон-Джонсу из Калифорнийского университета в Лос-Анджелесе как никому видно, чем отличаются друг от друга разные племена охотников и собирателей. Он изучал и кунг, и хадза и сделал вывод, что, хотя обе народности сходным образом добывают себе пропитание, между ними есть значительные отличия, в особенности в том, что касается детей. Он обнаружил, что первый год жизни младенцев хадза протекает практически так же, как и у их сверстников-бушменов: ношение на руках, кормление по необходимости (хотя не столь непрерывно, как у кунг), на детский плач реагируют все взрослые, хотя родители на него иногда не обращают внимания. Но как только ребенок выходит из младенчества, начинается проявляться разница в подходах к детству.

К примеру, родители хадза начинают оставлять детей в лагере, когда тем исполняется два, тогда как детей бушменов матери, уходя на поиски пищи, берут с собой до гораздо более позднего возраста. В результате детей хадза раньше отлучают от груди, примерно в два с половиной года, а не в четыре.

Когда детей хадза оставляют в поселении, они становятся частью разновозрастной группы детей, проводящих весь день в играх. Любопытно, что эти дети часто уходят из лагеря на свои собственные поиски пищи. Доктор Блертон-Джонс описывает, как даже трехлетки учатся выкапывать корни или собирать плоды баобаба, основного источника пропитания для хадза, и готовить их в пищу.

В противоположность детям бушменов дети хадза регулярно помогают взрослым, выполняя их задания и делая работу по дому. Их могут попросить поддержать младенца, сходить за водой или набрать хвороста⁸. И в отличие от племени кунг, где родители обладают неиссякаемым терпением и никогда не ругают младших, родители-хадза делают своим детям замечания.

Так что по сравнению с тем, как проходит детство у бушменов, детям хадза живется труднее. Почему так вышло? Если подходы к воспитанию зависят от благосостояния и системы взглядов общества и хадза с кунг – племена охотников и собирателей, равно заботящиеся о тесной взаимосвязи членов общества, то почему же они так по-разному обращаются со своими детьми?⁹

Ответ, полагает Блертон-Джонс, лежит в мелких отличиях условий, в которых проходит детство в обеих народностях. Дети хадза, как выяснилось, живут в местности, где они могут сами находить себе пропитание. Вокруг много деревьев, много растительности и дичи, дети могут кормиться сами и менее зависят от взрослых в плане пропитания¹⁰. Исследователи подсчитали, что, для того чтобы добыть количество пищи, сравнимое с тем, которое дети хадза

⁵ Blurton-Jones, Smith et al. 1992; Blurton-Jones 1993; Woodburn 1968.

⁶ Woodburn 1968.

⁷ Hawkes et al. 1989.

⁸ Blurton-Jones 1993.

⁹ О том, как формируются подходы к воспитанию детей, см. «Мы и наши малыши».

¹⁰ Hawkes, O'Connell et al. 1995.

могут без труда найти рядом со своим жилищем, детям кунг потребовалось бы уходить от своего поселения по крайней мере на шесть километров вглубь дикой местности, где можно заблудиться¹¹.

Как же живут дети хадза без присмотра? Их не водят за ручку, за ними не присматривают и не контролируют взрослые. Они слоняются туда-сюда, как банда подростков, и у хадза это считается нормальным. Чему-то они учатся, прибившись к матери, когда та идет искать пищу, или к отцу, когда тот отправляется на охоту, но большую часть времени они учатся жизни у детей постарше.

Наверное, для западного человека самым необычным в том, как протекает детство в племенах охотников и собирателей, покажется то, что для них разновозрастные группы детей являются нормальной, неотъемлемой частью жизни. Детей не разделяют на группы сверстников, как это делаем мы в Америке, где нормальным считается распределять детей по классам одного возраста, классам под надзором взрослых. Мы думаем, что это – наилучший, да и вообще единственно возможный способ учить детей. Но ведь еще не так давно многие американцы и европейцы жили в маленьких сельских общинах, где семьи были гораздо больше и у каждого ребенка было по несколько братьев и сестер, так что дети всех возрастов играли вместе. На самом деле, разделение по возрастам возникло лишь в недавнее время, когда рождаемость снизилась, и нам теперь приходится специально объединять детей в группы. Быть может, мы как родители, педагоги и ученые ошиблись, предполагая, как именно должна выглядеть наиболее естественная для ребенка учебная среда?

¹¹ Blurton-Jones, Hawkes et al. 1989; Blurton-Jones 1993.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.